

Вымытые банановые листья нужно было ещё обрезать до подходящего размера; ножницы Сюй Юфан пошли в дело, и Шэнь Хуэй щёлкал ими быстро и уверенно. В процессе обрезки с поверхности листьев стряхнули капли воды, затем разложили их в решете и убрали в прохладное, хорошо проветриваемое место.

Сегодня в горных ловушках добычи не оказалось, так что завтра мясо придётся покупать в посёлке. Перед сном Сюй Юфан дала Лин Сину пятьдесят вэнь и велела завтра купить полтора цзиня мяса, побольше жирного. В это время простые люди особенно страдали от нехватки жира, и мясо с салом было самым ходовым и желанным; покупая мясо, меньше всего хотели брать одно лишь постное - в нём и капли жира не найдёшь. Это была трапеза, на которую старшие в семье Шэнь собирались пригласить гостей в знак благодарности.

Лин Син не стал отказываться принимать деньги. Говорить, что он сам купит, значило бы лишить старших их доброго намерения.

Поспав четыре часа, Лин Син поднялся, оделся и умылся. Вчера он переработал пятнадцать цзиней зелёных бобов, получив чуть больше тридцати цзиней лянфэна. Он отложил из них чуть больше шести цзиней: четыре - на сегодняшний стол, ещё два - чтобы потом отдать Се Цинъя. Добавив к этому двадцать цзиней подошедшего теста, а также ящик для денег, пароварку и прочую утварь, общий вес набрался около пятидесяти цзиней.

Лин Син во что бы то ни стало хотел нести хоть что-нибудь, и в итоге Шэнь Хуэй нашёл ещё одну бамбуковую корзину и отдал ему пароварку и ящик с деньгами. Глядя на то, сколько всего взвалил на себя Шэнь Хуэй, Лин Син зашёл в дом к Сюй Юфан. Он стоял к Шэнь Хуэю спиной, так что тот не мог читать по губам, а Сюй Юфан его полностью заслоняла, тоже ничего нельзя было разобрать.

Шэнь Хуэй взглянул на небо и окликнул:

— Пойдём скорее, старшая невестка, а то опоздаем.

— Иду.

Лин Син быстро вышел, и они вместе покинули двор.

На горной тропе Шэнь Хуэй сам вложил край своей одежды в ладонь Лин Сина и, наклонив голову, спросил:

— О чём старшая невестка говорил с мамой?

Лин Син усмехнулся:

— Не скажу.

Услышав этот поддразнивающий ответ, Шэнь Хуэй повернул голову, уголки губ приподнялись, бровь чуть изогнулась:

— Это связано со мной?

Лин Син твёрдо решил молчать. Шэнь Хуэй больше не стал расспрашивать, лишь сказал:

— Держись крепче, старшая невестка, дальше дорога неровная.

На этот раз Лин Син послушался, сжал край одежды крепче и пошёл почти вплотную. Шэнь Хуэй бросил на него взгляд краем глаза, едва заметно улыбнулся и уверенно повёл его в сторону посёлка.

Вчера Шэнь Хуэй просил писаря передать сообщение Сюй-ци, и сегодня, когда они подошли к городским воротам, увидели, что Сюй-ци уже сидит там и ждёт.

Сюй Ци жил прямо в городе, ложился рано, вставал рано и давно привык к такому распорядку. Увидев Шэнь Хуэя с Лин Сином, он зевнул, поднялся и спросило:

— Зачем брату Шэню понадобился седьмой брат?

Шэнь Хуэй не стал ходить вокруг да около и коротко объяснил, что хочет попросить Сюй-ци помочь хозяину лапшичной найти другое, примерно равноценное место для торговли. Причину подробно объяснять не пришлось, Сюй-ци и так понимал, что дело в прилавке с баоцзы, из-за которого у лапшичной начались проблемы.

Баоцзы и маньтоу он попробовал ещё в первый день - вкус был действительно отменный. За какие-то несколько дней, проходя по улице Танфан и окрестностям, он то и дело слышал, как люди обсуждают эти баоцзы и маньтоу. Если бы цена для него была ниже, он бы и сам не прочь был покупать их каждый день. Да только и дорого, и ещё боязно: вдруг пойдёшь купить, а Шэнь Хуэй деньги не возьмёт. Потому Сюй-ци подумывал, что через какое-то время попросит кого-нибудь купить для него и принести домой, чтобы утолить желание.

Оба торговали мучной едой: если у одного дела идут хорошо, у другого неизбежно будет спад. Но в торговле есть свои законы - если чьё-то дело пострадало, это его забота. Никто ведь не нарочно мешает другому зарабатывать, так зачем же брать на себя чужие хлопоты? Ни один торговец так не работает. Эта мысль его и озадачила, и он прямо задал вопрос.

Шэнь Хуэй лишь спокойно ответил:

— Раньше я просил хозяина лапшичной помочь с поиском человека, и он без раздумий согласился. Теперь наш прилавок повлиял на его торговлю, последние дни он и вовсе едва держится. Считаю, что это возврат долга за ту помощь.

Выслушав его, Сюй-ци скользнул взглядом на стоявшего чуть позади Шэнь Хуэя Лин Сина, затем снова посмотрел на самого Шэнь Хуэя. Человека ещё даже не нашли, а он уже думает о том, как вернуть долг. До такой мягкости Шэнь Хуэй точно не дошёл бы, значит, дело не в нём, наверняка всё из-за его старшей невестки. И откуда только взялся этот гер... Похоже, он и сам толком не хлебнул горя, потому и не может спокойно смотреть, как страдают другие.

Сюй-ци наклонился к Шэнь Хуэю и, понизив голос, сказал:

— Не то чтобы седьмой брат поучал, но... доброта - это, конечно, хорошо, только во всём нужна мера. У твоей старшей невестки сердце слишком мягкое, смотри, как бы его не обманули.

Шэнь Хуэй коротко ответил:

— Я буду внимательно следить.

От этих слов Сюй-ци почему-то почувствовал лёгкое несоответствие, но объяснить себе, в чём именно оно, не смог. Впрочем... следить - это действительно правильно. С таким, как Шэнь Хуэй, рядом, кто осмелится приблизиться к супругу Шэнь Хуана, пользуясь его мягкосердечием, чтобы обмануть или навредить?

— Ладно, — сказал Сюй-ци, — я помогу присмотреть подходящее место. Самое позднее послезавтра улажу это дело.

Сюй-ци согласился без колебаний, для него это действительно было делом пустяковым.

Шэнь Хуэй кивнул:

— Через какое-то время, когда в силки попадётся добыча, пришлю седьмому брату пару зайцев.

От дичи Сюй-ци отказаться не мог - любые отношения держатся лишь тогда, когда есть взаимность. Он довольно рассмеялся:

— Тогда седьмой брат будет ждать. За зиму рот совсем закис от пресной еды, к тому времени как следует разгуляем аппетит. Моя жена лучше всего готовит тушёного кролика, я ещё вина припасу - посидим, выпьем как следует, по-братски.

— Хорошо.

Перекинувшись ещё парой слов, Сюй-ци махнул рукой, поторапливая Шэнь Хуэя идти на прилавок, мол, не задерживайся, время дорого.

Когда они пришли на склад забирать вещи, Ли Хуэйюань заметил Лин Сина. Вспомнив, как накануне его так искренне хвалили за почерк, он сам того не заметив снова покраснел от смущения. Впрочем, из-за тусклого света это было почти неразличимо. Но стоило Ли Хуэйюаню украдкой взглянуть на Лин Сина во второй раз, как его взгляд тут же перехватил Шэнь Хуэй. Высокая фигура встала прямо перед Лин Сином, заслонив его; лицо у Шэнь Хуэя стало суровым, брови слегка сошлись, и он жёстко, без лишних слов произнёс:

— Бамбуковую бирку подготовь, я спешу забрать товар.

Ли Хуэйюань резко пришёл в себя, занервничал и заговорил, запинаясь:

— А... да, хорошо, идите, забирайте.

Раньше Шэнь Хуэй всегда оставлял Лин Сина ждать снаружи. Но сегодня, отдав бирку, он обернулся к нему и сказал:

— Старшая невестка, пойдёшь со мной, поможешь?□

Лин Син, разумеется, кивнул и последовал за Шэнь Хуэем к соломенному навесу.

Лишь когда Шэнь Хуэй с Лин Сином забрали вещи и покинули склад, жар на лице Ли Хуэйюаня постепенно сошёл. Он стоял у ворот, немного растерянный, словно в задумчивости. Никогда прежде на него не смотрели с таким искренним восхищением, не хвалили так настоящего, от всего сердца. Ли Хуэйюань собрал мысли, коснулся ладонью груди, а затем опустил взгляд на недописанные иероглифы. Его выражение медленно стало твёрдым и решительным.

Он обязательно должен в следующем году сдать экзамен и получить титул сюэя.

Вечером в доме собирались угощать гостей, поэтому сегодня нужно было купить мясо. Шэнь Хуэй не пошёл сразу к прилавку, а свернул на мясной рынок. Мясо нужно брать пораньше - чем позже, тем меньше остаётся хороших, жирных кусков.

Мясной рынок находился всего в двух улицах от склада; Шэнь Хуэй повёл Лин Сина прямо к знакомому прилавку мясника. Раньше, когда ему попадалась добыча, он, помимо ресторанов, нередко относил её и сюда, к этому прилавку.

— Эрлан пришёл? Давно тебя не видел. В этот раз с товаром? — У Дали, вода точильным камнем по ножу, издавал резкий, скрежещущий звук.

Шэнь Хуэй покачал головой:

— Через какое-то время будет. Сегодня я за мясом.

У Дали поначалу, увидев у него за спиной большой бамбуковый короб, тоже удивился. Он даже подумал, что в этом году дичь какая-то особенно глупая - так быстро сама полезла в сети Шэнь Хуэя.

Он прекратил точить нож, громко рассмеялся и сказал:

— За мясом, значит ко мне правильно пришёл. Сколько нужно? Я тебе пожирнее нарежу.

Шэнь Хуэй взглянул на Лин Сина и тихо спросив, сколько нужно.

Лин Син выглянул из-за плеча Шэнь Хуэя и сам ответил У Дали:

— На пятьдесят вэнь свинины, пожирнее.

У Дали заметил Лин Сина ещё раньше - про семью Шэнь он в общих чертах знал. Раньше не заговорили, и ладно, но раз уж человек сам обратился, сделать вид, будто не видишь, было бы невежливо. Вот только с его положением У Дали сходу не разобрался. Бороды нет, кадыка не видно, значит, гер. Он почесал затылок, так и не вспомнив толком, кто это, и в конце концов просто спросил у Шэнь Хуэя:

— Этот гер - твой фулан или ваш Сяо У?

Когда прозвучало слово «фулан», Шэнь Хуэй невольно бросил взгляд на Лин Сина, решив, что тому может быть неприятно. Но Лин Син ничуть не выглядел задетым, напротив, слова У Дали его даже рассмешили.

Не дожидаясь ответа Шэнь Хуэя, он сам пояснил:

— Сяо У всего десять лет. Я - фулан Шэнь Хуана.

У Дали не угадал ни с чем и почувствовал себя ужасно неловко. Он и представить не мог, что при таком тяжёлом состоянии Шэнь-далана семья всё же потратится и возьмёт ему фулана.

Он поспешно извинился:

— Глаза у меня, видно, подвели... А как сейчас здоровье Шэнь-далана, получше стало?

— Мой брат умер.

Короткая фраза Шэнь Хуэя заставила У Дали окончательно замолчать. Ну и язык у него - сам себе беду навлек. Лучше меньше говорить и больше работать: чем больше слов, тем больше ошибок.

У Дали взмахнул ножом - плотное мясо под его рукой резалось легко, будто тофу. Он нарочно повёл лезвие чуть в сторону и отрезал больше, чем следовало. И за свой болтливый язык, и из жалости к Лин Сину: такой молодой и уже вдовец, по возрасту почти как его собственный второй сын-гер, как тут не смягчиться сердцем.

— Дядя У, вы слишком много отрезали, — Шэнь Хуэю даже взвешивать не нужно было, чтобы понять: за пятьдесят вэнь столько мяса не купишь.

— Забирай, — отмахнулся У Дали. — Я лишнего не накинул, просто язык у меня дурной, не то сказал. Если не возьмёшь, мне самому неловко будет.

— Дядя У не знал, это не беда, — ответил Шэнь Хуэй.

У Дали хмыкнул:

— Мясо уже отрезал, не тяни. Быстро забирай.

Шэнь Хуэй спешил к прилавку, так что в итоге принял мясо. Заплатив, они с Лин Сином быстро направились на место торговли.

Прилавок с баоцзы снова разложили; Лин Син, как обычно, отложил для Шэнь Хуэя несколько баоцзы и маньтоу, чтобы тот поел и восполнил силы. Покупатели уже по привычке подходили за баоцзы и маньтоу. Сегодня вместо промасленной бумаги использовали банановые листья - у людей это вызвало лёгкое удивление, но все понимали: бумагу нужно покупать, это лишние расходы. А у прилавка с баоцзы и без того было ясно - ингредиенты использовались самые лучшие. Из-за брожения и добавления щёлочи тесто выходило особенно белым, а на вкус мягким и сладковатым. Потому многие покупатели были уверены, что Лин Син добавляет в баоцзы и маньтоу дорогую тонко перемолотую белую муку. Не говоря уже о том, что баоцзы и маньтоу были действительно крупными - по одному виду ясно, что муки ушло щедро. При таком раскладе себестоимость выходила немалой.

Покупатели потому и считали, что Лин Син почти ничего не зарабатывает, и из-за того, что промасленную бумагу заменили банановыми листьями, никто не возражал, наоборот, все приняли это с готовностью.

Сегодня и лянфэн продавался очень бодро. Те, кто вчера не успел купить, сегодня приходили уже с глиняными мисками. Брали и на шесть вэнь, и на три - еда была непривычной, вкусной и при этом дешёвой. Меньше чем за два часа у прилавка с баоцзы было распродано всё до последнего.

Поскольку Сюй-ци пообещал помочь, Лин Син отложил для него две цзиня лянфэна, а также по четыре баоцзы и маньтоу, завернул всё в банановые листья и решил отдать ему у городских ворот. Отдельную порцию он оставил и для У Дали - тот отрезал больше двух цзиней мяса. При цене в тридцать пять вэнь за цзинь это была чистая щедрость, никакой прибыли.

Прилавок стоял ближе к мясному рынку, и когда они подошли, У Дали был по уши в работе. Шэнь Хуэй просто положил свёрток на маленький столик в его лавке, коротко сказал, как есть лянфэн, и ушёл. У Дали был так занят, что даже не успел их догнать и вернуть угощение.

На этот раз, когда они пришли сдавать вещи на склад, Ли Хуэйюань уже не суетился и не прятал в спешке листы с упражнениями по каллиграфии. Днём света было достаточно, и Ли Хуэйюаню стало неловко поднимать голову и смотреть на Лин Сина. Он всё время держал взгляд опущенным, молча передал бамбуковую бирку Шэнь Хуэю и больше ни на кого не смотрел. Все его движения Шэнь Хуэй заметил. Он скользнул холодным взглядом по не прикрытым листам с иероглифами.

Почерк далеко не дотягивает. И до его собственного не дотягивает, а уж до почерка старшего брата тем более.

Лин Син помнил слова Шэнь Хуэя, поэтому на этот раз не стал хвалить. Он просто спокойно смотрел, с любопытством пытаясь понять, что значит «есть форма, но нет стержня». В каллиграфии он всё равно ничего не понимал, разглядеть разницу не мог и по-прежнему считал, что выглядит красиво, а потому лишь молча любовался.

Ли Хуэйюань украдкой поднял глаза и увидел, что Лин Син рассматривает его почерк. Сердце тут же заколотилось быстрее, и он поспешно снова опустил взгляд. Заметив, что Ли Хуэйюань тайком смотрит на Лин Сина, Шэнь Хуэй с каменным лицом уставился на него, но обратился при этом к Лин Сину:

— Старшая невестка, мне нужна помощь.

Лин Син тут же отвёл взгляд и шагнул следом за Шэнь Хуэем.

Разместив вещи и выйдя со склада, Лин Син спросил, далеко ли отсюда лавка с художественными принадлежностями.

Шэнь Хуэй немного подумал и ответил:

— Далековато, нужно пройти пять улиц. Старшая невестка хочет что-то купить? Ты можешь посидеть в чайной, а я схожу.

— Я не покупать хотел, — покачал головой Лин Син. — Просто хотел посмотреть, не покупает ли кто медную проволоку. Я хотел бы обменять у кого-нибудь небольшой кусок.

Шэнь Хуэй не стал спрашивать, зачем ему медная проволока, лишь сказал:

— Управляющий магазина с художественными товарами каждый день приходит к нам за баоцзы и маньтоу. Если пойти прямо к нему и сказать, он, возможно, согласится обменять и ждать покупателей не придётся.

Лин Син удивлённо посмотрел на него:

— Второй брат знаком с управляющим магазина?

— Не знаком, — ответил Шэнь Хуэй, — просто раньше проходил мимо магазина с художественными товарами, несколько раз видел его и запомнил внешность.

Лин Син удивлённо рассмеялся:

— Второй брат, ты правда очень способный - всего несколько раз увидеть и так хорошо запомнить. Я хочу попробовать сходить и спросить. Второй брат, пойдёшь со мной?

От похвалы у Шэнь Хуэя слегка потеплели уши - взгляд и интонация Лин Сина звучали так, будто он и правда был кем-то особенно умелым и достойным восхищения. Он негромко кашлянул, приводя себя в порядок, и лишь потом ответил:

— Хорошо.

Управляющий магазина с художественными принадлежностями, увидев Лин Сина и Шэнь Хуэя, тоже немало удивился. Он и подумать не мог, что они появятся у него в магазине. Он очень любил баоцзы и маньтоу и считал, что есть их нужно только свежими, прямо из паровой корзины. Потому каждый день проходил лишние две улицы, чтобы самому сходить и купить, по дороге ел, наслаждаясь вкусом - так было лучше всего. Из-за этой любви к баоцзы и маньтоу, которые готовил Лин Син, он относился к нему особенно приветливо:

— Сяо танжу* хочет что-нибудь купить? Я могу подобрать.

(ПП: сяо танжу - хозяин маленького лотка, ларька)

Лин Син замахал рукой, сказав, что покупать ничего не собирается, а хотел бы обменять небольшой кусок медной проволоки - за деньги или на товар, как будет удобнее.

Вообще-то медную проволоку всегда продавали мотками, её никогда не резали на части для продажи. Те, кто покупал такую проволоку, либо делали украшения, либо занимались перегородчатой эмалью, и все они были людьми небедными. Да и никто бы не стал просить резать её на части при покупке. Медную проволоку наматывали на деревянные цилиндры, она

имела определённую толщину и всегда была аккуратно завернута в промасленную бумагу и от пыли, и от сырости.

У управляющего магазина с художественными принадлежностями и правда не было медной проволоки на развес: всё уже было упаковано. К тому же он работал на владельца магазина и не мог самовольно распечатать связку и тайком отрезать кусок, чтобы отдать Лин Сину. В итоге обменять проволоку так и не удалось. Но управляющий сказал Лин Сину, что если позже кто-нибудь придёт покупать, он обязательно спросит, не согласятся ли они за деньги отдать небольшой отрезок. Если получится, он сам отнесёт его на прилавок с баоцзы.

Лин Син был очень тронут такой заботой и не раз поблагодарил его. Разобравшись с медной проволокой, они пошли обратно - по дороге как раз можно было зайти в зерновую лавку и купить муку и зелёную фасоль на завтра.

У городских ворот Сюй-ци уже не было; Шэнь Хуэй передал свёрток молодому писарю, попросив отнести его Сюй-ци.

Из-за захода в магазин с художественными принадлежностями они потеряли немного времени и вернулись домой позднее обычного. К счастью, угощение было назначено на вечер, так что даже с опозданием ничего не срывалось.

Увидев свинину, Сюй Юфан сразу заметила, что кусок очень добротный, да ещё и с большим количеством сала. За пятьдесят вэнь столько не купишь, она решила, что Лин Син добавил свои деньги, и стала говорить, что вернёт лишнее. Услышав объяснение всей истории, Лин Син поспешно замахал руками, и только тогда все поняли, что произошло простое недоразумение.

Услышав упоминание о старшем сыне, Сюй Юфан почувствовала, как защипало в носу - нахлынули воспоминания, но она быстро взяла себя в руки. Она боялась, что если при Лин Сине даст волю печали, то и ему станет тяжело на сердце.

— Я уж подумала, что ты мясо для себя покупал и потому добавил денег, — сказала она. — Ту часть, что тебе нужна, я порублю, завтра сразу можно будет использовать.

Лин Син улыбнулся:

— Спасибо, мама!

Днём они перекусили простой мучной болтушкой, чтобы утолить голод. Сяо У знал, что вечером будет вкусное, поэтому днём пил болтушку совсем мало, заявив, что оставит место в животе для ужина. В итоге после обеда у него разболелся живот, и Сюй Юфан, ругая его сквозь слёзы, всё же накормила его пирожным из зеленых бобов. Сяочунь и Сяося тоже получили своё, как обычно, на двоих одну порцию. Последний кусочек они приберегли, чтобы вечером угостить папу.

Ещё утром Сюй Юфан сходила к Се Цинъя и пригласила его вечером прийти к ним на ужин. Се Цинъя любил проводить время с Лин Сином, а приглашение семьи Шэнь было и знаком благодарности, так что он не стал отказываться. Он нарезал цзинь тофу и отдал Сюй Юфан, наотрез отказавшись брать деньги, пообещав, что вечером обязательно придёт в дом Шэнь вместе с мужем.

Когда солнце стало клониться к западу, Сюй Юфан отложила вышивку и вместе с Лин Сином занялась готовкой. Свинина была жирной, а значит, можно было вытопить хорошее свиное сало. Сюй Юфан решила сначала вытопить немного свиного жира про запас: вечером она собиралась приготовить тушёную свинину с жёлтой соей, лянфэн с приправой, тофу, обжаренный на свином сале, и ещё одно блюдо - жареный лянфэн. Раньше она слышала от Лин Сина, что лянфэн вкусно и жарить, и тушить, и раз уж он сам говорил, что это вкусно, значит, наверняка ел так раньше. Сейчас он один, вдали от родных мест, и если удастся приготовить что-то из тех блюд, что он ел на родине, ему, должно быть, станет радостнее. Как раз появился свиной жир, самое время попробовать.

Раз уж пригласили гостей, нельзя ограничиваться одной болтушкой или бобовой кашей. Сюй Юфан попросила Лин Сина приготовить на пару баоцзы и маньтоу как основную еду, чтобы ела вся семья. Иначе, если хозяева не притронутся к угощению, гостям тоже будет неловко есть. Лин Син кивнул, соглашаясь, и предложил ещё сделать пирожные из зеленых бобов на сладкое и использовать вся оставшиеся бобы и солодовый сахар. Заодно можно будет дать немного Се Цинъя с собой: теперь, когда семья покупала у него тофу, он брал с Лин Сина лишь половину цены, и Лин Син всё время думал, что нужно как-то отплатить добром.

Пирожные делать нетрудно - поставить в паровую корзину и готово. А вот маньтоу готовятся дольше, поэтому их нужно начинать первыми. Иначе, пока они будут готовы, все блюда остынут.

Если маньтоу слегка остудить и не оставлять на ночь, они всё равно остаются мягкими и пышными, это ничуть не портит вкус.

Когда тесто подошло, Лин Син быстро принялся формировать маньтоу. Он прикинул количество людей, ещё нужно было отнести угощение в дом старосты. В качестве основного блюда взрослым нужно по три-четыре штуки, детям - по две, чтобы наесться. Учитывая, что Шэнь Хуэй расходует много сил и ест больше остальных, Лин Син решил сразу приготовить пятьдесят маньтоу: в одну паровую корзину помещалось двадцать пять, как раз две закладки. На это ушло чуть больше шести цзиней муки, так что на завтрашний прилавок оставалось лишь четырнадцать цзиней.

Готовые маньтоу сложили в чистые бамбуковые корзины - их получилось слишком много, в глиняные чашки всё не вмещалось. Пока маньтоу парились, Сюй Юфан замариновала свинину, овощи тоже были нарезаны и приготовлены заранее. Лин Син тем временем сделал пирожные из зеленых бобов, оставалось лишь поставить их на пар в последний момент. Пирожные готовились быстро, через две четверти часа их уже можно было вынимать.

Солнце ещё не село, и Сюй Юфан сначала занялась тушёным блюдом. Готовила она, вообще-то,

очень вкусно: для тушёной свинины с жёлтой соей она не жалела ни дров, ни мяса, ни соевого соуса, а томила всё достаточно долго. В итоге аромат мяса и сои полностью раскрылся, наполняя двор густым, тёплым запахом.

Сяо У, Сяочунь и Сяося уже перестали смотреть на муравьёв и выстроились рядком у двери в кухню, подпирая ладонями щёки и втягивая носами мясной аромат. Они не чувствовали запаха мяса уже очень, очень, очень давно.

Для лянфэна, который нужно было заправить, Лин Син просто смешал приправы, лишних усилий это не требовало. Тофу у Се Цинъя выходил отменный: его нарезали небольшими кусочками и обжаривали на масле. Аромат масла после жарки тофу был таким, что у людей буквально кружилась голова от запаха. Перед тем как снять тофу с огня, сверху проливали соевым соусом и присыпали щепоткой истолчённой в мелкий порошок соли, чтобы подчеркнуть вкус. На вид блюдо выглядело простоватым, но в нём было и масло, и приправы - вкус получался вполне достойный.

Жареный лянфэн Сюй Юфан раньше никогда не готовила, но за годы у плиты у неё накопился большой опыт: стоило лишь объяснить в общих чертах, и она без труда смогла повторить. После нагрева лянфэн становился хрупким, его было трудно подхватить палочками, поэтому его просто нарезали кубиками, чтобы потом есть ложкой. Кусочки лянфэна обвалили в подсушенном крахмале из зелёных бобов, разогрели свиное сало и выложили всё в глиняный котёл - из него тут же повалил белый дым, зашипело и зашкворчало.

Сюй Юфан побоялась, что глиняный котёл может не выдержать, и убавила огонь, оставив тихий жар для медленной обжарки. Приправ в доме было немного, поэтому Лин Син растёр немного острого перца в порошок, чтобы добавить вкуса.

Когда все блюда были готовы, домой вернулись остальные члены семьи, а Се Цинъя и Ван Цзюнь под вечерним солнцем пришли в дом Шэнь. Никто из них не пришёл с пустыми руками: Се Цинъя нёс тазик с соевым молоком, а Ван Цзюнь - книгу. Хотя книга была переписной, стоила она всё равно немало: в книжной лавке даже самые дешёвые книги начинались от пятисот вэнь.

Ван Цзюнь знал, что в семье Шэнь умеют читать, поэтому и принёс книгу для начального обучения - как раз для детей. Если захотят учить малышей грамоте, с такой книгой будет удобно и легко. Шэнь Чэншань не осмелился принять такой дорогой подарок. Ван Цзюнь, не привыкший к подобным ситуациям, несколько раз попытался настоять, а потом растерянно посмотрел на Се Цинъя, словно прося о помощи. Поймав этот взгляд, Се Цинъяй весело усмехнулся и просто сунул книгу по начальному обучению прямо в руки Шэнь Чэншаню.

— Дядя Шэнь, берите. Когда будет время, поучите Сяо У и остальных, пусть хоть несколько иероглифов узнают, потом людей меньше бояться будут, да и обмануть их сложнее. К тому же это мой муж сам переписал, потратился только на кисть, тушь да бумагу, ничего сверхдорогого. А я ещё надеюсь, что Лин-гер позже будет меня вкусным угощать. Если вы книгу не возьмёте, мне тогда и неловко будет.

Се Цинья говорил прямо, что думал, не ходя вокруг да около. Шэнь Чэншань понял, что тот и правда так считает, и потому принял книгу.

Лин Син тихонько подошёл к Се Циньяю и сказал вполголоса:

— Я тебе сделал пирожные и лянфэн тоже отложил. Когда будете уходить, не забудь забрать.

— Да я только ради твоей стряпни и пришёл! — рассмеялся Се Цинья.

Сюй Юфан отобрала десять маньтоу, завернула их в промасленную бумагу и попросила Шэнь Хуэя сбегать к дому старосты. В доме старосты дочери и геры уже все вышли замуж, остались лишь два сына со своими семьями. Вся родня вместе с младшими насчитывала как раз человек десять - ровно по одному маньтоу на каждого.

Шэнь Хуэй сходил быстро и так же быстро вернулся. В кухне собрались все, сидели плечом к плечу - было шумно и по-домашнему оживлённо. Шэнь Хуэй сел так, что оказался прямо напротив Лин Сина.

Маньтоу были основным блюдом, но дополнительно сварили и мучную болтушку. Её сделали из хорошей муки, которую купил Лин Син, она не царапала горло, как та, что обычно ели дома. Если прислушаться ко вкусу, даже чувствовался аромат пшеницы. Глядя на полный стол и на маньтоу с болтушкой из хорошей муки, Шэнь Гуй, Шэнь Лай, а также Сяочунь и Сяося решили, что в доме будто празднуют Новый год. Нет, даже в Новый год так хорошо они не ели.

Перед тем как начать есть, Шэнь Гуй оттащил Сяочунь и Сяося в сторону и стал подговаривать их класть ему побольше того, что он любит. Он всё-таки отец семейства, при гостях неловко тянуться за едой без конца. А вот дети маленькие, им можно. Сяочунь и Сяося, которых он засыпал «послушная дочка», «хороший гер», совсем потеряли голову и закивали один за другим.

Как только взялись за палочки, дети словно превратились в голодных духов, но действовали целенаправленно: один нацелился на мясо, другой - на жареный лянфэн. Слаженно и усердно они подкармливали своего прожорливого отца. При гостях Сюй Юфан постеснялась ругать Шэнь Гуя, лишь бросала на него сердитые взгляды. А Шэнь Гуй, наслаждаясь детским «угощением», щурился и довольно ухмылялся. Всё равно сейчас мать его не тронет, сначала надо насладиться моментом.

Шэнь Лаю повезло меньше: он сидел рядом с матерью, и та прижала его к себе, так что развернуться во всю силу ему не удалось. В итоге именно Лин Син разломил маньтоу, положил внутрь еды для Шэнь Лая, завернул и протянул ему. Шэнь Лай был тронут до невозможности и тут же с силой откусил.

Мясо оказалось невероятно вкусным - жир и постное в нём были вперемешку, сало после долгого тушения стало мягким и клейким, совсем не приторным. Жёлтая соя, которую не

пожалели времени поварить, была не такой твёрдой, как обычно, а рассыпчато-мягкой и очень приятной на вкус. Мясо с соей, зажатые в маньтоу, пропитанные солоноватым соусом, да ещё и кусочек обжаренного тофу снаружи румяный, внутри нежный - один укус, и вкус просто невозможно описать словами.

Увидев, как с аппетитом ест Шэнь Лай, Ван Цзюнь по примеру Лин Сина тоже сделал такую «начинку» и подал её Се Цинъя. Правда, в его варианте больше всего было жареного льяньфэна. Се Цинъя действительно обожал льяньфэн, и Ван Цзюнь тоже. А поскольку Се Цинъя сидел рядом с Лин Сином, попробовав жареный льяньфэн, он не удержался и тихонько похвалил, сказав, что это очень вкусно.

Крахмал давал льяньфэну снаружи лёгкую хрусткость, внутри же он оставался необыкновенно нежным и гладким. Солёность соевого соуса и острота перца переплетались, слегка щекоча язык и делая вкус ярче и насыщеннее. Се Цинъя, попробовав, уже не мог остановиться, но, находясь в гостях, всё же стеснялся есть слишком много.

Он смог осилить лишь один маньтоу с жареным льяньфэном внутри, а потом, с покрасневшими от перца губами, тихонько выдыхая остроту, стал спрашивать Лин Сина, как готовить жареный льяньфэн - он тоже хотел сделать такое дома.

Они всё это время склонились друг к другу и переговаривались вполголоса. Видя, как Се Цинъя страдает от остроты, Лин Син не удержался и сказал:

— Се-гер, ты прямо как второй брат: и острое не переносишь, и всё равно его любишь.

Се Цинъя ответил без раздумий:

— Мой муж любит, вот и я за ним пристрастился.

Лин Син взглянул на Ван Цзюня. В нём чувствовалась книжная утончённость; казалось, здоровье у него не слишком крепкое - лицо бледноватое, фигура худощавая. Но черты были спокойные и красивые, и от него исходило такое мягкое впечатление, что невольно тянуло расположиться к нему. Раньше бледное лицо теперь из-за остроты порозовело, и выглядел он даже лучше.

Лин Син всё больше ловил себя на ощущении, что Ван Цзюнь ему знаком, будто он уже видел его раньше. Точнее, это было не его собственное воспоминание, а память прежнего хозяина тела - знакомое чувство поднималось именно оттуда.

Долго разглядывать человека было неловко, и Лин Син быстро отвёл взгляд. Повернув голову, он заметил, что Шэнь Хуэй ест маньтоу с лёгкой улыбкой на губах.

Это он так рад еде?

После ужина Се Цинъя и Ван Цзюнь стали собираться домой. Лин Син упаковал для Се Цинъя льяньфэн и пирожные из зеленых бобов, наказав по дороге быть осторожнее.

Этот ужин всем пришёлся по душе. Закончив принимать гостей, Шэнь Чэншань почувствовал, что давившее на сердце дело наконец-то уладилось, и на душе стало заметно легче. Вся семья вместе взялась за работу - кухню быстро привели в порядок, умылись, легли спать, завершив утомительный, но наполненный день.

Глубокой ночью Шэнь Хуэю приснился сон. Во сне он нёс за спиной бамбуковую корзину и вместе с Лин Сином шёл покупать мясо - сцена была точь-в-точь как днём.

У Дали не знал Лин Сина и потому спросил Шэнь Хуэя:

— Этот гер - твой фулан или ваш Сяо У?

Шэнь Хуэй не ответил, лишь повернулся и посмотрел на Лин Сина. Тот улыбнулся, прищурил глаза, и сказал У Дали:

— Сяо У всего десять лет, а я - фулан Шэнь Хуэя.

Картина сменилась: Шэнь Хуэй сидел напротив Лин Сина, стоило лишь поднять глаза, и он мог видеть его лицо.

Лин Син тихо разговаривал с Се Цинъя, в глазах его играла мягкая и светлая улыбка:

— Се-гер, ты прямо как мой муж - и острое не выносишь, и всё равно его любишь.

Шэнь Хуэй почувствовал, как учащается сердцебиение. Он хотел продолжить читать по губам, хотел понять, что ещё говорит Лин Син. Но картинка начала расплываться, а затем перед ним возникло лицо старшего брата и его искренний, настойчивый голос:

— Второй брат, я поручаю тебе заботиться о нём.

Шэнь Хуэй резко проснулся и сел в постели. Брови его были крепко сведены, мысли всё ещё возвращались к увиденному во сне.

В темноте Шэнь Хуэй поднял руку и со всей силы дал себе пощёчину.